

УДК 811.111; 821.111

А. В. Колесникова, Л. М. Бондарева

**ФУНКЦИИ СЛОВ-РЕАЛИЙ В РОМАНЕ С. РУШДИ
«ДЕТИ ПОЛУНОЧИ»**

Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия
Поступила в редакцию 18.07.2023 г.
Принята к публикации 25.08.2023 г.
doi: 10.5922/pikbfu-2023-3-6

57

Для цитирования: Колесникова А. В., Бондарева Л. М. Функции слов-реалий в романе С. Рушди «Дети полуночи» // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Филология, педагогика, психология. 2023. №3. С. 57 – 67. doi: 10.5922/pikbfu-2023-3-6.

Рассмотрены особенности функционирования слов-реалий в тексте романа С. Рушди «Дети полуночи» (Midnight's Children). Осуществляется делимитация термина «слова-реалии» в его сопоставлении с понятием «реалии». Отмечена языковая специфика романа, состоящая в интенционально обусловленном включении в текст без соответствующего авторского комментария экзотической лексики, смысл которой может быть понят иноязычным читателем только в рамках конкретного контекста. Выделены лексико-семантические группы слов-реалий, способствующих созданию национально-культурного колорита и референциально соотносящихся с локальными объектами и популярными блюдами индийской национальной кухни. Охарактеризована роль топонимов, заключающаяся в структурировании локальных координат текстового континуума. Доказано, что номинации национальных блюд, использованные автором, служат для интенсификации развития сюжетных линий художественного повествования. Слова-реалии данной группы функционируют в тексте романа в качестве средств создания социального колорита, маркеров значимых событий в жизни персонажей, индикаторов эмоционального состояния героев, экспликаторов ретроспективной ментально-когнитивной деятельности субъективного повествователя, а также выступают в роли организующего звена кольцевой композиции романа.

Ключевые слова: слова-реалии, национально-культурный колорит, лексико-семантические группы, топонимы, национальные блюда

Существование в истории человечества разнообразных культур обуславливает наличие в обществе различных менталитетов, которые находят свое отражение в концептуальной картине мира каждой конкретной нации [9]. Данная картина мира играет важную роль в накоплении и передаче культурной информации и вербализуется в рамках национальной языковой картины мира, носителями которой, помимо

прочих языковых единиц, нередко выступают лексемы, определяемые как «экзотизмы» [13], «безэквивалентная лексика» [3], «алиенизмы» [2], «культуронимы» [6], «культурные слова» [14], «реалии» [11] и пр. [4; 10].

Все указанные термины референциально соотносятся с реалиями, то есть предметами и явлениями действительности, характерными для жизни определенного народа и не имеющими соответствия в культуре и быту других национальных сообществ. Как указывается в «Словаре лингвистических терминов» О.С. Ахмановой, под реалиями следует понимать «разнообразные факторы, изучаемые внешней лингвистикой... с точки зрения их отражения в данном языке» [1, с. 381].

Однако нередко лингвисты и культурологи, занимающиеся изучением подобной лексики, именуют термином «реалии» сами языковые единицы, не проводя при этом границу между номинацией и именуемым ею денотатом. Подобная точка зрения выражена, например, в дефиниции, сформулированной болгарскими учеными С. Влаховым и С. Флориным, которые понимают под *реалиями* «слова (и словосочетания), называющие объекты, характерные для жизни (быта, культуры, социального и исторического развития) одного народа и чуждые другому; будучи носителями национального и / или исторического колорита, они, как правило, не имеют точных соответствий (эквивалентов) в других языках» [5, с. 47].

На наш взгляд, в рамках данного контекста во избежание затемнения смысла высказываний целесообразно употреблять однозначный термин «*слова-реалии*» (далее СР), обозначающий компонент стилистически дифференцированного словарного состава любого национального языка. Основным назначением СР представляется их использование в качестве средства создания в тексте темпорального, локального, социального, шире — национально-культурного и иных видов колорита.

Понятно, что особую актуальность СР играют в текстах мигрантского дискурса, в которых неизбежно репрезентируются национально-культурные особенности менталитета народа, представителем которого является автор художественного произведения.

Одним из таких писателей можно считать всемирно известного британского литератора индийского происхождения, дважды лауреата Букеровской премии Салмана Ахмеда Рушди, первый успех к которому пришел после публикации романа «Дети полуночи» (*Midnight's Children*). Этот роман, впервые опубликованный в 1981 г., принадлежит к жанру магического реализма, органично соединяющего в себе реалистические и фантастические элементы [8, с. 362].

Важно подчеркнуть, что при создании данного произведения центральным для автора был вопрос языка, как утверждал сам Салман Рушди в интервью, посвященном 40-летию романа «Дети полуночи». Автор сознательно нарушает правила литературного английского языка ради акцентуации национально-культурного компонента произведения. Он стремится по возможности передать языковое многообразие Индии, где пять официальных языков — хинди, урду, гуджарати, маратхи и английский — не только сосуществуют, но еще используются

как «смесь», на которой, в частности, объясняются жители Бомбея, где используется специфический местный уличный сленг «бамбая», непонятный остальным жителям страны. Подсказку начинающему автору дал Филип Рот — американский писатель еврейского происхождения, часто вставляющий в свои произведения непереусленные слова на идише. Именно по его примеру С. Рушди решил наполнить роман национально маркированными словами экзотического характера, значение которых читатель, не обладающий обширными фоновыми знаниями или знанием индийского языка, может лишь приблизительно понять из контекста (см.: [7; 16; 17]).

В процессе исследования особенностей языковой репрезентации национально- культурного колорита в романе «Дети полуночи» нам удалось выявить ряд лексико-семантических групп, содержащих СР, среди которых в рамках данной статьи уделяется внимание топонимам и номинациям традиционных индийских блюд.

Обратимся к рассмотрению функций топонимов, референциально соотносящихся с местами, в которых происходят главные события романа. Номинацией одного из таких мест является урбаноним Бомбей. Бомбей (ныне Мумбаи) — город, расположенный на западе Индии на побережье Аравийского моря, именно здесь родился и вырос главный герой романа Салем Синай. Рядом с упоминанием Бомбея в тексте нередко фигурирует англоязычный годоним *Marine Drive*, — название приморской улицы, играющей важную роль в повествовании. На *Marine Drive* расположен главный пляж города *Chowpatty Beach*, соответствующий микропонимом также часто появляется в одном контексте с годонимом *Marine Drive*.

Например, при описании прогулки доктора Нарликара, близкого друга отца Салема Синай, а также владельца клиники, в которой родился Салем:

Doctor Narlikar had been visiting friends near Marine Drive; at the end of the visit, he had resolved to stroll down to Chowpatty Beach [15, p. 189] (здесь и далее все выделения в цитатах принадлежат авторам статьи);

...it (школьный автобус. — А. К., Л. Б.) clattered past Chowpatty Beach, as it turned left off Marine Drive beside the apartment [15, p. 136].

Следует отметить амбивалентность описания пляжа в романе: хотя *Chowpatty Beach* пользуется большой популярностью в Бомбее, он представляет собой довольно грязное и бедное место, что в известной мере отражает реалии индийского быта в целом:

Chowpatty, at least, was much the same: a dirty strip of sand pickpockets, and strollers, and vendors of hot-channa-channa-hot, but further down Marine Drive I (рассказчик Салем Синай. — А. К., Л. Б.) saw what tetrapods had achieved... [15, p. 470].

Сама улица *Marine Drive* является местом притяжения сценаристов и деятелей индийского кинобизнеса, благодаря чему жители города получают временную оплачиваемую работу, а места, расположенные в пределах съемочной площадки, привлекают людей, стремящихся реализовать свои надежды и амбиции. В кафе *The Pioneer*, расположенном на *Marine Drive*, сценаристы подбирают массовку для своих фильмов:

For half an hour each morning, when D. W. Rama Studios and Filmistan Talkies and R K Films were taking their pick, the Pioneer was the focus of all the city's ambitions and hopes; then the studio scouts left, accompanied by the day's lucky ones, and the Café emptied into its habitual, neon-lit torpor [15, p. 230].

Стоит также отметить, что неподалеку от *Chowpatty Beach* расположен другой, не менее популярный пляж, называющийся *Juhu Beach*, являющийся местом отдыха кинозвезд и богатых людей, здесь находится известный фешенебельный отель *Sun' n' Sand*, в котором размещаются гости города:

Anand "Andy" Shroff, businessman-playboy, who is to be found on most days tanning himself at the Sun' n' Sand Hotel on Juhu Beach, amid film-stars and disenfranchised princesses [15, p. 47];

On Juhu Beach, under the languid gaze of film stars at the Sun 'n' Sand hotel, small boys still shin up coconut palms and bring down the bearded fruit [15, p. 103].

На *Juhu Beach* происходят многие ключевые события жизни героя романа. В главе *Love in Bombay*, где описывается история влюбленности Салема в одноклассницу Эви Бернс, пляж фигурирует как место их постоянных встреч:

No arguments; I knew then that I had fallen in love. At Juhu Beach with Evie: she won the camel-races, could drink more coconut milk than any of us, could open her eyes under the sharp salt water of the Arabian Sea [15, p. 197].

Детализации локального колорита в данном текстовом примере также способствует пелагоним *Arabian Sea* – номинация Аравийского моря, омывающего пляжи Бомбея.

Следующей важной лексико-семантической группой СР, рассмотренной нами в процессе исследования, стали названия популярных блюд индийской кухни и, в особенности, кушаний, характерных для Бомбея – родного города и для Салема, и для автора романа. Упоминание разнообразия и богатства индийской кухни занимает одну из ведущих позиций в романе, что служит усилению национально-культурного колорита повествования.

Впервые мы встречаемся с неизвестной читателю едой под названием *bhel-puri* в середине произведения, в момент прогулки доктора Нарликара вдоль пляжей Бомбея, и по первым строчкам достаточно сложно понять, что именно представляет собой это угощение, поскольку в тексте нет ни перевода номинации, ни сведений о вкусовых особенностях продукта:

*<...> he (Dr. Narlikar) had resolved to stroll down to Chowpatty Beach and buy himself some *bhel-puri* [15, p. 189].*

Далее на протяжении всего произведения номинация *bhel-puri* встречается неоднократно, причем ситуации и местность, при описании которых употребляется название блюда, соотносятся с районами, населенными беднотой и представителями преступного мира. В результате читатель может предположить, что речь идет о популярном и дешевом угощении, доступном для любого жителя Бомбея. В подобном контексте интерпретируемое слово-реалия становится средством создания социального колорита повествования.

Подтверждением этому служит и цитируемый ниже фрагмент романа, где описывается кафе *The Pioneer*, в котором продается *bhel-puri*: грязные окна заведения наряду с грязной посудой вызывают впечатлительные социально неблагополучного района, а посетители относятся к людям с низким социальным статусом и незавидным материальным положением. Особенно сильно это обстоятельство бросается в глаза при сравнении кафе с модными и гламурными заведениями в зажиточной части города, в которых также, как об этом свидетельствует название последнего из перечисленных кафе (ср.: *BHELPURI-BOMBAY FASHION*), можно полакомиться *bhel-puri*, но, естественно, в другой обстановке и по другим ценам:

Dirty glass in the window; dirty glasses on the tables – the Pioneer Café was not much when compared to the Gaylords and Kwalitys of the city’s more glamorous parts; a real rutputty joint, with painted boards proclaiming LOVELY LASSI and FUNTABULOUS FALOODA and BHEL-PURIBOMBAY FASHION [15, p. 229].

В результате мы получаем дополнительную информацию о том, что упоминаемое индийское блюдо пользуется популярностью у всех слоев населения и может продаваться повсюду.

Вполне закономерно этот вид еды служит неотъемлемым компонентом пляжной жизни и в зоне отдыха *Chowpatty*, которая, по сути, представляет собой полосу грязного песка с разгуливающими по ней бродягами и карманниками:

Chowpatty, at least, was much the same: a dirty strip of sand aswarm with pickpockets, and strollers..., of kulfi and bhel-puri... [15, p. 470].

Безусловно, читатель, не знакомый с индийскими реалиями и желающий расширить фоновые знания, вполне может обратиться к соответствующим интернет-источникам, чтобы понять, что же на самом деле представляет собой это национальное блюдо. Оказывается, CP *bhel-puri* обозначает разновидность уличной закуски из хрустящего риса с добавлением кислых, сладких или острых специй [25].

В последнем процитированном примере обращает на себя внимание функционирование еще одного CP – *kulfi*, соотносящегося с продуктом, который продается вместе с *bhel-puri* и принадлежит к традиционным индийским десертам, будучи разновидностью индийского мороженого [21].

В следующем эпизоде романа, где Салем вспоминает о своем детстве, встречаются, помимо уже известного *kulfi*, CP *laddoos* и *pista-ki-lauz*, входящие в перечислительный ряд тех угощений, которыми бывшая няня Мари Перейра хочет накормить исхудавшего, на ее взгляд, мальчика Салема. Это происходит во время визита Салема и его дяди Ханифа Азиза к воспитательнице рассказчика. Исходя из того, что Салем – ребенок, читатель может предположить, что все указанные блюда являются вкусными и калорийными. Согласно интернет-источникам номинация *laddoos* служит обозначением десерта, в состав которого входят манная крупа, мука, орехи, сладкие специи. *Laddoos* является любимым угощением не только детей, но и взрослых [24]. А CP *pista-ki-lauz* соотносится с очередной разновидностью индийского мороженого [22]:

...He (дядя Ханиф. — А.К., Л.Б.) *wallops me in the back, toppling me forwards into Mary's arms. Mary, hastily, "But so thin, Jesus! They haven't been feeding you properly? You want cornflour pudding? Banana mashed with milk? Did they give you chips?" <...> And Hanif booms, "Yes, tickety-boo! The boy is really ship-shape! <...> And talking at the same time is Mary Pereira, "Chocolate cake," she is promising, "laddoos, pista-ki-lauz, meat samosas, kulfi. So thin you got, baba, the wind will blow you away"* [15, p. 254].

Интерес вызывает и номинация индийского блюда *khichri*, которое, судя по описанию, представляет собой название кушанья, подобного русской каше, что подтверждается комментарием в интернет-источнике [18]. Салем рассказывает, что при приготовлении *khichri* нужно его постоянно помешивать, а в одном из эпизодов речь идет о том, что *khichri* подается обычно на завтрак:

...*my mother stood in her kitchen stirring khichri for breakfast...* [15, p. 78].

При этом упоминание CP *khichri* в тексте романа нередко связано с повествованием о тех или иных значимых событиях в жизни героев. Так, например, когда мать Салема Амина ела *khichri*, в их доме появилась банда вымогателей, потребовавшая выкуп за склад, который отец главного героя содержал на контролируемой ими территории:

"Pay?" *Amina interrupts. "Pay whom? Pay what? Husband, janum, life of mine, what is happening here?" ...leaving behind uneaten khichri... and hanging in the air the name of Ravana... "a gang of ne'er-do-wells, Madam; unscrupulous cutthroats and bounders to a man"* [15, p. 80].

Номинация *khichri* становится маркером одного из событий, которое имеет прямое отношение к судьбе рассказчика и содержанию всего романа в целом. Салем вспоминает, как его биологическая мать Амина помогла одному местному индусу избежать гнева разъяренной толпы иноверцев. Всем известный в Бомбее человек по имени *Lifafa Das* развлекал детей и взрослых своим причудливым изобретением — аппаратом *Dilli dekho*, внутри которого находились картинки с изображением различных достопримечательностей. Во время одного из таких представлений в мусульманском квартале возник небольшой конфликт, вследствие чего изобретателя назвали «индусом», которому не место в районе, где живут одни мусульмане. Перед лицом пылающих ненавистью зрителей на защиту *Lifafa Das* встает Амина, которая, пытаясь ослабить накал страстей и упрекая людей в негуманном отношении друг к другу, одновременно заявляет о своей беременности, о чем до сих пор не знал даже ее муж. Однако Амина и не подозревает, что этот благой поступок обернется для нее и ее семьи бедой, и она никогда не увидит своего ребенка. Примечательно, что все происходит в тот момент, когда Амина ест *khichri*:

"Listen," *my mother shouted, "Listen well. I am with child. I am a mother who will have a child, and I am giving this man my shelter. Come on now, if you want to kill, kill a mother also and show the world what men you are!" That was how it came about that my arrival — the coming of Saleem Sinai — was announced to the assembled masses of the people before my father had heard about it. From the moment of my conception, it seems, I have been public property. But although my mother was right when she made her public announcement, she was also wrong.*

This is why: the baby she was carrying did not turn out to be her son. My mother... was prevented by Zohra and khichri and clattering feet from telling her husband her news; heard screams; made a public announcement. And it worked. My annunciation saved a life [15, p. 86].

В одном из фрагментов романа CP *biriani* и *nargisi kofta*, будучи номинациями очередных индийских национальных блюд, выполняют функцию маркеров эмоционального состояния Алии — тети Салема, которая осталась старой девой и постоянно переживала по этому поводу, что ощущалось, как образно говорит рассказчик, даже в тех кушаньях, которыми она угощала своих гостей:

...*she* (Алия. — А.К., Л.Б.) *fed us the birianis of dissension and the nargisi koftas of discord...* [15, p. 346].

Biriani является не чем иным, как вторым блюдом из риса сорта басмати с добавлением мяса, рыбы или овощей в сочетании со всевозможными специями и соусом [20], а под *nargisi koftas* подразумевается индийское традиционное блюдо, состоящее из вареного яйца, покрытого фаршем из баранины [19].

В связи с этим примером позволим себе небольшое отступление: в процитированном предложении употребляется глагол *feed*, означающий «кормить животных», что применительно к людям и в параллели со стилистической фигурой, построенной на лексико-семантической несочетаемости определяемых существительных и их определений, усиливает пейоративную коннотацию высказывания. Любопытно, что при сравнении оригинального текста с русским переводом мы обнаружили компенсацию этого оттенка значения за счет употребления лексемы «тетка», относящейся к сниженному регистру речи и замещающей нейтральное местоимение *she*, вследствие ситуативной невозможности адекватного перевода на русский язык глагола *feed*. Ср.: «...тетка кормила нас бириани, полными разногласий, и наргизи-кофта, пропитанными раздором» [12].

Однако при всей важности описанных ранее блюд ключевую роль в тексте романа С. Рушди приобретает CP *chutney*, номинирующее разновидность индийских соусов, которые готовятся по индивидуальному семейному рецепту и могут включать как фрукты, так и овощи [23]. Обратимся к рассмотрению наиболее ярких текстовых примеров, в которых находят отражение эмоции главного героя Салема Синая, связанные с этим незамысловатым соусом.

Рассказчик вводит лексему *chutney* в свое повествование практически с первых строк, а именно в главе *Hit-the-Spittoon*, где он рассказывает, как начал писать воспоминания. *Chutney* ассоциируется у него со вкусом детства:

...*Rising from my pages comes the unmistakable whiff of chutney* [15, p. 45].

Об источнике этой ассоциации мы узнаем в главе *At the Pioneer Café*: каждый раз, когда Салем ест *chutney*, он мысленно возвращается в далекий 1957 год, когда он был еще мальчишкой. Именно такой соус готовила ему Мари Перейра — женщина, подменившая его в роддоме и ставшая впоследствии его няней:

And while *chutney* – the same *chutney* which, back in 1957, my ayah Mary Pereira had made so perfectly; the grasshopper-green *chutney* which is forever associated with those days – carried them back into the world of my past, while *chutney* mellowed them and made them receptive [15, p. 225].

Салем родился в семье бедняков в один день и час с сыном богачей. Мари работала акушеркой в роддоме и, руководствуясь бунтарскими настроениями своего возлюбленного Йозефа, подменила новорожденных: отдала Салема в богатую семью, а малыша богатых родителей выдала за сына бедняков – как ей казалось, во имя торжества социальной справедливости, но главным образом во имя любви:

And when she was alone – two babies in her hands – two lives in her power – she did it for Joseph, her own private revolutionary act, thinking He will certainly love me for this, as she changed name-tags on the two huge infants, giving the poor baby a life of privilege and condemning the rich-born child to accordions and poverty... “Love me, Joseph!” was in Mary Pereira’s mind, and then it was done [15, p. 127–128].

Салем часто акцентирует внимание читателя на цвете *chutney*, подчеркивая его ярко-зеленую насыщенную окраску, напоминающую кузнечика. В подобном контексте можно предположить, что «соус детства» Салема готовился для него няней преимущественно из овощей:

Yes, a little aluminum bowl of *chutney*, green, my God, green as grasshoppers... [15, p.128];

“Green *chutney*,” I request, “Bright green – green as grasshoppers” [15, p. 223];

...while grasshopper-green *chutney* is being extracted from its vat [15, p. 224].

Наконец, CP *chutney* играет важную роль в структурировании кольцевой композиции романа: эта лексема, как символ пробуждения сознания маленького Салема, образует исходный пункт в повествовании главного героя, мысленно реконструирующего свое прошлое. После целого ряда событий Мари Перейра уезжает в другой город и прерывает контакты со всеми знакомыми, живущими в Бомбее. Попытки взрослого Салема вновь почувствовать вкус того «детского» *chutney* оказываются безуспешными, пока практически в финале романа с ним не происходит достопамятное событие. Рассказчик заходит со своим сыном и приятелем в одно кафе, и ему, в числе прочих блюд, подают тот самый зеленый, как кузнечик, *chutney*, которым его в свое время потчевала Мари Перейра:

...and while Aadam (сын Салема. – А.К., Л.Б.) slept soundly, one of the blind waitresses brought us a congratulatory, reviving meal. On the thali of victory: samosas, pakoras, rice, dal, puris; and green *chutney*. Yes, a little aluminum bowl of *chutney*, green, my God, green as grasshoppers... and before long a puri was in my hand; and *chutney* was on the puri; <...> and was given the best *chutney* in the world... the taste of the *chutney* was more than just an echo of that long-ago taste – it was the old taste itself, the very same, with the power of bringing back the past as if it had never been away... [15, p. 474].

Салем просит принести ему банку от этого соуса, и благодаря адресу производителя на этикетке перед героем открывается «последняя дверь», скрывавшая загадку этого «невероятного чатни памяти», которое могло быть произведено только по рецепту Мари Перейра:

Once again an abracadabra, an open-sesame: words printed on chutney jar, opening the last door of my life... I was seized by an irresistible determination to track down the maker of that impossible chutney of memory... [15, p. 474].

Рассказчик отправляется по указанному адресу и находит там свою бывшую няню, так круто изменившую всю его жизнь. Как оказалось, Мари Перейра через некоторое время вернулась в Бомбей, сменила имя, чтобы ее никто не узнал в связи с событиями прошлого, и открыла собственное производство консервов *chutney*. В итоге читателю становится понятно, почему в самом начале романа Салем называет себя поваром: после встречи с Мари рассказчик остается работать на ее предприятии. Таким образом, название неприхотливого соуса знаменует исходную и финальную точки жизнеописания главного героя романа С. Рушди.

На основании проведенного исследования языкового материала представляется возможным заключить, что слова-реалии выполняют в тексте романа «Дети полуночи» ряд важных функций, обусловленных авторской интенцией. Писатель-мигрант С. Рушди в процессе национальной самоидентификации использует в своем повествовании единицы различных лексико-семантических групп, способствующие в целом созданию убедительного национально-культурного колорита. Достоинными внимания являются в данной связи топонимы и номинации национальных индийских блюд, которые нередко несут дополнительную смысловую нагрузку в тексте романа. Помимо атмосферы жизни и быта индийского народа данные СР способны передавать релевантную информацию социального характера, маркировать значимые события в судьбах персонажей, свидетельствовать о переживаемых ими чувствах и эмоциях, эксплицитировать характер когнитивной деятельности рассказчика. В ходе анализа текста романа С. Рушди также была установлена структурообразующая функция СР.

Следует подчеркнуть, что изучение характера функционирования слов-реалий в художественных текстах способствует не только углублению наших фоновых знаний и представлений об особенностях менталитета конкретного национального сообщества, но и более адекватному пониманию идей и смыслов литературного произведения.

Список литературы

1. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М., 2004.
2. Берков В. П. Работы по языкознанию. СПб., 2011.
3. Верещагин Е. М., Костомаров В. М. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. М., 1990.
4. Виноградов В. С. Введение в переводоведение [общие и лексические вопросы]. М., 2001.
5. Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. М., 2007.

6. Кабакчи В. В., Белоглазова Е. В. Введение в интерлингвокультурологию. СПб., 2012.

7. Калининкова Е. Когда Запад и Восток сходят с места. Скандально известный писатель С. Рушди признавался в своем атеизме и давал клятву верности исламу. URL: <https://www.blagovest-info.ru/index.php?ss=2&s=7&id=7721&print=1> (дата обращения: 19.05.2023).

8. Колесникова А. В. Магический реализм в произведении Салмана Рушди «Дети полуночи» // На пересечении языков и культур. Актуальные вопросы гуманитарного знания. 2023. №1 (25). С. 361 – 366.

9. Корнилов О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. М., 2011.

10. Маринова Е. В. Теория заимствования в основных понятиях и терминах : словарь-справочник. М., 2014.

11. Папикян А. А. Реалия как объект переводческой деятельности // Язык и культура. 2013. Вып. 6. С. 88 – 95.

12. Рушди С. Дети полуночи / пер. с англ. А. Миролюбовой. М., 2023.

13. Самотик Л. Г. Проблема понимания диалектизмов и экзотизмов в иностранстве художественного текста // Вестник КрасГАУ. 2006. №11. С. 266 – 273.

14. Newmark P. A Textbook of Translation. Shanghai, 2001.

15. Rushdie S. *Midnight's children*. N. Y., 1991.

16. Salman Rushdie on midnight's children at 40: "India is no longer the country of this novel". URL: <https://www.theguardian.com/books/2021/apr/03/> (дата обращения 19.05.2023)

17. Salman Rushdie. URL: <https://literature.britishcouncil.org/writer/salman-rushdie> (дата обращения: 15.05.2023).

18. How to make the perfect Khichdi/Khichri. URL: <https://timesofindia.indiatimes.com/life-style/food-news/how-to-make-the-perfect-khichdi/khichri/articleshow/73270473.cms> (дата обращения: 09.07.2023).

19. Misra A. Chicken Nargisi Kofta Curry. URL: <https://www.cookingwithanadi.com/recipes/chicken-nargisi-kofta> (дата обращения: 09.07.2023).

20. Swasthi's Recipes: Authentic Indian Recipes For The Modern Kitchen : [Chicken Biryani Recipe]. URL: <https://www.indianhealthyrecipes.com/chicken-biryani-recipe/> (дата обращения: 09.07.2023).

21. Swasthi's Recipes: Authentic Indian Recipes For The Modern Kitchen : [Kulfi Recipe]. URL: <https://www.indianhealthyrecipes.com/kulfi-recipe/> (дата обращения: 09.07.2023).

22. Sushmita Sengupta. Pista Ki Lauj: Give A Grand Finale To Your Karwa Chauth Fast With This Lucknawi Dessert. URL: <https://www.slurrr.com/article/pista-ki-lauj-give-a-grand-finale-to-your-karwa-chauth-fast-with-this-lucknawi-dessert-1634815446022> (дата обращения: 09.07.2023).

23. Peggy Trowbridge Filippone. What Is Chutney? A Guide to Using, Making, and Storing Chutney. URL: <https://www.thespruceeats.com/chutney-recipes-and-cooking-tips-1808079> (дата обращения: 09.07.2023).

24. Motichoor Laddoo Recipe. URL: <https://recipes.timesofindia.com/recipes/motichoor-laddoo/rs55048059.cms> (дата обращения: 07.07.2023).

25. Swasthi's Recipes: Authentic Indian Recipes For The Modern Kitchen : [Bhel-puri]. URL: <https://www.indianhealthyrecipes.com/bhel-puri/> (дата обращения: 07.07.2023).

Об авторах

Анна Викторовна Колесникова — асп., ассист., Балтийский федеральный университет им. И. Канга, Калининград, Россия.

E-mail: kolesnikova192015@gmail.com

Людмила Михайловна Бондарева — д-р филол. наук, проф., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.

E-mail: bondareva.koenig@mail.ru

A. V. Kolesnikova, L. M. Bondareva

**FUNCTIONS OF WORDS-REALITIES IN S. RUSHDIE'S NOVEL
"MIDNIGHT'S CHILDREN"**

Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia

Received 18 July 2023

Accepted 25 August 2023

doi: 10.5922/pikbfu-2023-3-6

67

To cite this article: Kolesnikova A. V., Bondareva L. M. 2023, Functions of words-realities in S. Rushdie's novel "midnight's Children", *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Philology, Pedagogy, Psychology*, №3. P. 57 – 67. doi: 10.5922/pikbfu-2023-3-6.

The article examines the features of the functioning of realia words in the text of Salman Rushdie's novel "Midnight's Children." The delimitation of the term "realia words" is carried out in its comparison with the concept of "realia." The language specificity of the novel is noted, which consists of intentionally incorporating exotic vocabulary into the text without corresponding authorial commentary, the meaning of which can be understood by a non-native reader only within a specific context. Lexico-semantic groups of realia words are highlighted, contributing to the creation of national-cultural color and referentially related to local objects and popular dishes of Indian national cuisine. The artistic pragmatics of realia words in the novel "Midnight's Children" is characterized. The role of toponyms is characterized by their involvement in structuring the local coordinates of the textual continuum. It has been demonstrated that the nominations of national dishes used by the author serve to intensify the development of plotlines in artistic narrative. The realia words of this group function in the novel as means of creating social color, markers of significant events in the characters' lives, indicators of the characters' emotional states, explicators of the retrospective mental-cognitive activities of the subjective narrator, and also serve as the organizing link in the circular composition of the novel.

Keywords: realia words, national-cultural color, lexical-semantic groups, toponyms, national dishes

The authors

Anna V. Kolesnikova, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: kolesnikova192015@gmail.com

Dr. Liudmila M. Bondareva, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: bondareva.koenig@mail.ru